

Что же тогда правда: записка или разговор?

Ты всегда говорила о том, как ты ценишь меня, — и почему же ты так резко, так враждебно приняла мои слова, так естествен[ные] в устах писателя, к[оторо]му хочется, чтоб его книжка вышла по-настоящему.

Почему ты, не раз говорившая мне о том, как ты понимаешь мое болезнен[ное] состояние, не поняла, что в тот день мне было очень плохо? И когда я просил о деньгах — разве ты не понимала, что я об этом прошу не с больш[им] удовольствием, но потому, что я в тисках.

А когда я попросил Антоновскую¹ поговорить с тобой потому, что ты молчишь и, значит, не хочешь никаких шагов делать к тому, чтоб эту болезненную историю уладить, — так вот почему ты так враждебно приняла это? И разве виноват я, что мне сейчас туго, что я болен и что ты несправедлива ко мне [?]

Как все это больно и обидно. В моем сознании не укладывается, как это, как это ты могла так отнестись ко мне. Прости, что обеспокоил, но я не мог не написать. Если можешь и хочешь, ответь. И прости, — но я тебя очень прошу дать мне денег и сообщить, где и когда я могу их получить. Больно, что так все вышло, больно очень.

А.

© Хазан В., 2008

М. Г. Соколянский

Любек, Германия

О феномене «Юго-Запада» в советской литературе 1920—1930-х годов и его позднейшей рецепции

Историко-литературное понятие «Юго-Запад» представлено в отечественной культуре рядом громких и просто известных имен писателей, чья творческая эволюция начиналась, как правило, либо в ходе бурных исторических изменений, открывающихся Первой мировой войной и событиями 1917 года, либо непосредственно вслед за ними. Своим *географическим* наименованием этот феномен был обязан первому сборнику стихов Эдуарда Багрицкого, который назывался «Юго-Запад» (1928). Литературоведческое же осмысление подмеченной наиболее проницательными критиками тенденции началось лишь на пороге 1930-х годов, и азартным первопроходцем в освоении вызревшей темы выступил Виктор Шкловский.

В первом номере «Литературной газеты» от 5 января 1933 года появилась его статья «Юго-Запад», которая в рукописи называлась несколько многословно: «Южнорусская школа в борьбе за сюжетный стих и сюжетную прозу». В присущей ему свободно-ассоциативной манере изложения

¹ Анна Арнольдовна Антоновская (1885—1967) — советская писательница.

мыслей один из лидеров формализма в литературоведении начинал статью с точного указания своего рода координат исследуемого материала:

...Это («Юго-Запад». — М. С.) название одной из книг Багрицкого.

«Юго-Запад» — это географически Одесса.

В статье я буду говорить об юго-западной литературной школе, традиция которой еще не выяснена...¹

В кратком (по необходимости) газетном выступлении Шкловский не определил количественных параметров выделенного явления, да это, впрочем, никак не входило в его замысел. Заметное уже современникам активное участие прозаиков и поэтов так называемой «югозападной», или «южнорусской», школы в культурной жизни той поры впоследствии раскрылось еще шире для непредубежденных литераторов и внимательных читателей.

Причем в рамки этой формулы попадали не только прозаики и поэты, кто, как И. Бабель, В. Катаев, И. Ильф и Е. Петров, Э. Багрицкий, Л. Славин, С. Липкин, А. Штейнберг и др., был уроженцем Одессы, но также и те, кто происходил из других мест, а в Одессе жил, трудился какое-то время и, главное, здесь начал свою литературную деятельность или состоялся как литератор, подобно К. Паустовскому, например. В такой достаточно представительный ряд можно было бы добавить имена некоторых видных литературоведов, искусствоведов и критиков, возросших на той же почве; припомним хотя бы Л. П. Гроссмана, Н. И. Харджиева, Л. Я. Гинзбург. Словом, в количественной недостаточности названный феномен вряд ли можно упрекнуть.

Сложнее обстоит дело с осмыслением содержательной и стилевой специфики явления. Бабель еще в 1923 году в предисловии к планировавшемуся сборнику произведений семи молодых одесских авторов в откровенно импрессионистическом духе попытался одним штрихом наметить эту специфику. Легко написанное и легко читаемое предисловие² дает вместе с тем некоторое представление о трудностях на пути к обобщениям, когда в один ряд попадают, с одной стороны, подлинно талантливые Багрицкий и Ильф, а с другой, к примеру, Осип Колычев — вероятный прототип незабываемого Никифора Ляписа из «Двенадцати стульев».

О творческой плодотворности одесской почвы говорил создатель «Одесских рассказов» неоднократно. В ставшем хрестоматийным, благодаря мемуарной книге Константина Паустовского, эффектном обещании Бабея («Мопассанов я вам гарантирую») при всей амбивалентности смысла

¹ Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990. С. 470.

² См.: Бабель И. Ликуя и содрогаясь. Рассказы и очерки. Одесса, 1992. С. 17—18.

звучит, однако, абсолютная уверенность в высокой литературной продуктивности Одессы. Притом присутствие в формировании писателя-одессита левантийского (это образное определение плотно войдет в критический обиход позднее) воздействия, немаловажная роль «запаха моря и акаций» были акцентированы едва ли не в первую очередь.

Совершенно очевидным фактором формирования южнорусского писателя той поры был органично интернациональный характер города, точно подмеченный не одесситом по происхождению Шкловским. Один из компонентов такого характера был назван в статье «Юго-Запад» без экивоков:

...Трудность вопроса еще в том, что югозападная школа — это школа русской литературы, осуществленная на украинской территории...¹

О значении еврейской составляющей в культурной истории Одессы писали, в частности, уже некоторые из первых критиков Бабеля. Точное и обобщающее рассуждение о многонациональной специфике города, его происхождения и развития, его языка и культуры оставил живший тогда в Западной Европе Владимир Жаботинский в ярком очерке «Моя столица», вошедшем в книгу «Causeries» (1930), назвав семь народов («по крайней мере, семь»), сыгравших в процессе формирования своеобразного города с особыми языком и культурой немаловажную роль².

В завершающей части своей статьи Виктор Шкловский предрекал, что «южнорусская школа будет иметь очень большое влияние на следующий... сюжетный период советской литературы...»³. Трезво оценивая следующие — остросюжетные, вялосюжетные или вовсе бессюжетные — «периоды советской литературы», следует, очевидно, признать, что не лишнему оснований прогнозу критика в силу ряда причин не суждено было стать явью. Причины эти отыскиваются в историко-политической плоскости, потому и стоит представить их в исторической последовательности.

Начать хотя бы со времени появления статьи Шкловского. Стоял январь 1933 года. Уже вовсю шла подготовка к созыву Первого съезда советских писателей, который поначалу планировался на май 1933 года. Главной идеологической задачей было объединение всех литературных сил страны, а потому попытка выделить какую-то особую литературную школу, да к тому же очень влиятельную, воспринималась как крамола. Статья Шкловского была подвергнута резкой критике с разных трибун. В «Известиях»

¹ Шкловский В. Указ. соч. С. 470. (Замечу, что значение «юго-западной» традиции для развития украинской литературы еще ждет своего исследователя.)

² См. об этом: Соколянский М. Конечно в Одессе. Одесса, 2005. С. 149—163.

³ Шкловский В. Указ. соч. С. 475.

первым ее атаковал И. Макарьев, провозгласивший попытку разделения «нашей» литературы на разные школы «порочной и вредной». На пленуме Оргкомитета писательского съезда на концепцию Шкловского обрушились Ю. Либединский, С. Динамов, Вс. Вишневский¹, В. Киршон, И. Гронский и др. Дискуссия об отдельном критическом выступлении быстро переросла в печальную памяти широкую «дискуссию о формализме». Сам Шкловский был вынужден отправить в «Литературную газету» покаянную статью, нанесшую тяжелый урон прежде всего его репутации литературоведа и критика.²

Второй, еще более ошутимый удар по «южнорусской школе» был нанесен в ходе массовых репрессий, развернувшихся в 1930-е годы и затронувших не в последнюю очередь литературную среду. Среди жертв были, конечно, и писатели «Юго-Запада». Был репрессирован и убит Бабель, в лагерях провели годы, кто раньше, кто позже, А. Штейнберг, С. Гехт, С. Бондарин, Р. Моран и некоторые другие литераторы — выходцы из города, с которым ассоциировалось «югозападное» направление. Эдуард Багрицкий покинул этот мир еще в 1934 году, но в 1937-м была репрессирована его вдова Лидия Густавовна. При повышенном внимании «компетентных органов» к украинской культуре совсем не удивительно, что репрессии коснулись и украинских авторов, так или иначе связанных с «Юго-Западом». Многие писатели, избежавшие преследований, были настолько придавлены или, называя вещи своими именами, так испуганы происшедшим, что либо замолчали на долгие годы, как Юрий Олеша, либо предпочли путь откровенного (позднее — закамouflированного) конформизма, как В. Катаев.

Книги писателей, подвергнувшихся репрессиям, немедленно попали в спущенный «сверху» *index librorum prohibitorum*³. Из библиотек изымались не только сочинения репрессированных прозаиков, поэтов, критиков, но и разного рода сборники с их участием и даже книги, в которых содержались всего лишь упоминания о «предосудительных» литераторах или цитаты из их произведений. Из литературного оборота исчезли даже их имена. Под горячую руку «неистовых ревнителей» попадали иногда и книги, казалось бы, вполне с официальной точки зрения безобидные, как, на-

¹ «Гражданская позиция» Всеволода Вишневского хорошо просматривается в письме, которое он направил тогдашнему секретарю СП СССР В. Ставскому. Начиналось оно с признания: «Я взялся за необходимую ССП и, вероятно, НКВД работу: выяснение бывших литературных группировок, их кадров, связей и пр....» (Цит. по: Литературная газета, № 20—21 (5744), 1999. С. 8).

² См., напр.: Лотман Ю.М. Письма. М., 1997. С. 331.

³ *Index librorum prohibitorum* — список запрещенных книг (лат.). (Примеч. ред.)

пример, сборник газетных фельетонов Юрия Олеши, писавшего в газете «Гудок» под псевдонимом «Зубило»¹.

Третья волна, прошедшая по литературе изучаемой школы, относится к послевоенному времени и связана с так называемой «борьбой против безродных космополитов», развернувшейся в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Кампания чисток, арестов и вычеркивания из активной творческой жизни не миновала, конечно, и южнорусской школы. Отличительным признаком этой кампании стало то, что при установлении «вины» литератора во главу угла *de facto* ставились еврейская проблематика творчества, национально-стилевая окраска произведений вкуче, разумеется, с еврейским происхождением авторов. Преследования коснулись не только писателей, писавших на языке идиш, но и целого ряда русскоязычных и украинскоязычных прозаиков, поэтов, критиков.

В рамках разговора о южнорусской школе можно вспомнить, что не публиковались в ту пору книги не только репрессированных ранее авторов, но и тех, кого, как казалось, миновала чаша сия. К примеру, стихи Э. Багрицкого не переиздавались более или менее культурно с 1938 до 1956 года, когда появился долгожданный однотомник, подготовленный к печати В. Азаровым (тоже, кстати говоря, выходцем из Одессы). Издание — накануне упомянутой кампании — романов И. Ильфа и Е. Петрова стало предметом специального разбирательства; в постановлении Секретариата Союза писателей СССР от 15 ноября 1948 года и в «Литературной газете» сурово осуждалось издательство «Советский писатель» за выпуск диалогии массовым тиражом, а руководители издательства были вынуждены каяться в совершенной ими «грубой ошибке». Краткая заметка об Ильфе и Петрове в Большой Советской Энциклопедии (2-е изд.) напоминала скорее критико-судебный приговор, чем справочную статью. А. Г. Дементьев (впоследствии соратник А. Т. Твардовского по редакции «Нового мира») в статье «Против антипатриотического эстетизма и формализма в поэзии» (1949) навешивал обвинительные ярлыки «одесской группе писателей», обвиняя их в «низкопоклонстве перед иностранщиной»².

Наступивший вскоре после смерти Сталина период так называемой оттепели привнес ряд существенных изменений в духовную жизнь страны. Вернулись из концлагерей те деятели культуры, которым посчастливилось выжить, к читателям возвратились многие, прежде запрещенные имена и произведения, оживилась общая литературная жизнь. Коснулись эти процессы и наследия писателей изучаемой школы.

¹ Олеша. Ю. К. Зубило. Л., 1924. См.: Блом А. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917—1991. СПб., 2003. С. 138.

² Звезда. 1949. № 3. С. 206.

Так, в 1957 году после почти двадцатилетнего запрета был выпущен однотомник произведений Бабеля. В разных издательствах страны — от Кишинева и Одессы до Сыктывкара и Магадана — стали вновь публиковать востребованную массовым читателем дилогию Ильфа и Петрова, а в 1961 году увидело свет собрание их сочинений в пяти томах. В 1956 и 1958 годах появились новые сборники стихов Багрицкого. Пришла к читателю мемуарная повесть Константина Паустовского «Время больших ожиданий». На закате оттепели в журнале «Знамя» была напечатана подготовленная Г. Н. Мунблитом подборка не вошедших в упомянутый выше однотомник рассказов Бабеля. Этот «список благодетей» можно было бы и продолжить, но нельзя упускать из виду, что процесс «размораживания» шел очень и очень непросто.

Достаточно припомнить лексику и тон первых откликов на переиздание сочинений И. Бабеля, принадлежавших таким замшелым критикам-проработчикам, как Д. Стариков или В. Архипов¹. Их коробил уже факт включения писателя в контекст так называемой советской литературы. Само представление о южнорусской школе и ее художественном своеобразии тщательно изгонялось из литературно-критического обихода.

В середине 1960-х годов в литературоведческих кругах притчей во языцех стало эмоционально окрашенное высказывание многолетнего заведующего кафедрой советской литературы МГУ профессора А. И. Метченко во время приема кандидатских экзаменов. Когда одна соискательница вскользь упомянула о «южнорусской школе» в советской литературе 1920-х годов, профессор взорвался: «Какая школа? Южнорусская? Вы бы еще о бердичевском или биробиджанском направлении рассказали! Нет, была и есть единая советская литература — литература социалистического реализма».

В послеоттепельный период мрачная тенденция, рожденная на рубеже 1940—1950-х годов, шаг за шагом возрождалась и, более того, приобретала для себя постоянные трибуны. Такой трибуной стал, в частности, во второй половине 1960-х журнал «Молодая гвардия», где «запевалой» критического хора выступил Виктор Чалмаев. Впрочем, у него были единомышленники и в более старшем поколении критиков: М. Лобанов, С. Семанов, П. Выходцев и ряд других. Не объединенные номинально², они, каждый по-своему, стремились к «патриотическому очищению» истории отечественной литературы. В опубликованных «Нашим современником» уже на пороге нового тысячелетия мемуарах «ветеран движения» М. Лобанов с

¹ См.: Архипов В. Уроки // Нева. 1958. № 6. С. 187—199.

² С. Куняев вспоминал позднее, что первым очагом национал-патриотов стал в начале 1960-х годов «Русский клуб» при Обществе охраны памятников истории и культуры. См. подробнее: Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов 1961—1985 годов. М., 2003.

нескрываемой гордостью пишет о своей последовательной борьбе против «мелкого еврейского духа» в литературе.

Такого рода действия и выступления приняли организованные формы несколько позднее, в 1970-е годы. Своеобразной вехой новой стадии в борьбе против «чуждых» тенденций в истории новейшей литературы, — борьбе, ведшейся с национально-патриотических позиций, — стала вышедшая в 1974 году книга О. Михайлова «Верность. Родина и литература». (Некоторые статьи, собранные там под одной обложкой, публиковались автором ранее в периодике.) Об этой книге говорено и написано уже немало, не стоит повторяться. Напомню лишь, что резкие нападки на литературу «Юго-Запада» носили у Михайлова слегка закамouflированный, однако без особого труда прочитываемый антисемитский характер. Вопрос о художественности разруганных произведений Михайловым, по сути, даже не ставился.

Гордость за сказанное слово переполняла автора и спустя три десятилетия. Так, в автобиографической статье в «Литературной газете» (2002) писал он в начале 1970-х:

...К тому времени я круто порвал с либеральными и готовил книгу статей «Верность», центром которой был очерк о так называемой «одесской школе» и ее возведенных в гении популярных писателях...

Со сладостной ностальгией вспоминал он о борьбе с «одесской школой» и накануне своего 75-летия¹. О. Михайлов откровеннее ряда своих соратников выразил сущность тенденции, но он отнюдь не был одинок. На страницах «Молодой гвардии», а затем и «Нашего современника» его идеи находили полную поддержку.

Трибуну для полемики с национал-патриотами в начале 1970-х годов отыскать было невероятно трудно. Самым серьезным и действенным выступлением против шовинистических перегибов можно считать появившуюся в «Литературной газете» в ноябре 1972 года статью А. Н. Яковлева «Против антиисторизма», в которой серьезной критике подвергались позиции М. Лобанова, С. Семанова, О. Михайлова. Реакцией литераторов-сверхпатриотов на эту критику были возмущенные письма, направленные в Политбюро ЦК КПСС². Политбюро своеобразно отреагировало на статью и ее восприятие, устранив Яковлева из отдела пропаганды ЦК и отправив его послом в Канаду.

¹ Михайлов О. Какими мы были // Литературная газета. 2002. № 32 (5887). С. 10. Он же. Вспоминая с любовью // Там же. 2007. № 26 (6126). С. 15.

² Одно из первых писем, посланных по этому адресу, было подписано М. Шолоховым.

Сегодня, когда в российской прессе стало модным поливать грязью А. Н. Яковлева и его деятельность как в годы перестройки, так и до и после нее нередко в вину ему ставят также упомянутую статью. Что же касается О. Михайлова и его книги «Верность», то и ныне у него находятся поклонники, причем нередко среди носителей флюгерообразных политических взглядов. Так, обозреватель «Литературной газеты» А. Ципко (не к чести малой родины «Юго-Запада», одессит по происхождению) пишет уже в 2007 году с восхищением о «текстах русского патриота критика О. Михайлова», которые, по мнению А. Ципко, «во все времена и в 60-е, и в 90-е, находились на уровне дореволюционных высот классической русской публицистики...»¹. Вот так, ни больше и ни меньше.

Покровительство, оказанное критикам национал-патриотического направления сверху, не было в полной мере неожиданным или тем более случайным. В идеологическом отделе ЦК КПСС уже утвердилась мысль о необходимости канализировать идейную оппозицию советской интеллигенции, и подходящим каналом являлась так называемая национал-патриотическая тенденция, хорошими дрожками для которой во все времена служил антисемитизм. Чиновно-бюрократические логика и фразеология для этого дела уже не вполне подходили, и к исполнению важнейшей задачи были привлечены профессиональные литераторы В. Кожин, Ст. Куняев, П. Палиевский, Д. Урнов и некоторые другие. Своими корнями эта деятельность уходила в поздние шестидесятые, когда под эгидой ЦК ВЛКСМ, где первую скрипку в отделе агитации и пропаганды играл ныне чиновный писатель В. Ганичев, появилось странное образование — «советско-болгарский клуб творческой молодежи». В 1970-е годы те же люди, благополучно выйдя из советско-болгарского комсомольского возраста, продолжали начатую ранее охоту на чуждые элементы и тенденции, но уже с более четким прицелом.

О своей деятельности эта группа громко заявила о себе памятной, спланированной как политическое мероприятие дискуссией «Классика и мы», прошедшей в Центральном Доме литераторов в Москве 21 декабря 1977 года. В докладе П. Палиевского, в речах его сотоварищей по «русской антимасонской ложе»² без окончательных формулировок, но достаточно ясно звучало стремление очистить современное русское искусство от «засилья инородцев». Естественно, когда речь касалась историко-культурных традиций, доставалось и южнорусской школе в литературе. Главной трибуной для выражения взглядов зачинателей дискуссии стал журнал «Наш современник». Позднее именно там впервые был опубликован трактат

¹ Ципко А. Русская идея или русский миф? // Литературная газета. 2007. № 8. С. 3. В тот же ряд включает Ципко и «патриотов, литераторов Петра Палиевского и Владимира Крупина».

² Выражение С. Семанова.

И. Шафаревича «Русофобия», где, между прочим, бывший математик, творчески усвоивший «открытия» своих единомышленников-гуманитариев, обрушивался и на писателей «одесской школы»¹.

(Отголоски дискуссии «Классика и мы» звучат и поныне. Так, по случаю тридцатилетия упомянутого шаша московская «Литературная газета» поместила статью С. Куняева «Классика и мы: тридцать лет спустя»², в которой сделана очередная попытка поднять на щит идейные «завоевания» организаторов «памятной дискуссии». Правда, в отличие от своих духовных отцов, включая, не в последнюю очередь, и отца родного, С. Куняев в какой-то мере соблюдает политкорректность и, рассуждая о классике и ее недругах в самых общих чертах, слегка притушевывает истинные цели дискуссии и не обозначает направление ее главного удара.)

В годы перестройки голоса национал-патриотов отнюдь не смолкли, разве что и их оппоненты обрели наконец свои трибуны и то, что раньше именовалось дискуссией «только из вежливости», приобрело характер более или менее равноправного (в юридическом отношении) диалога. Нередко в этом споре предметом обсуждения оказывалось и наследие южнорусской школы. Тут подмога национал-патриотам приходила подчас с совершенно неожиданной стороны.

Некоторые просвещенные и, казалось бы, прогрессивные критики-максималисты, не упуская ни одной строчки, ни одного жизненного шага в биографии разных советских писателей, яростно обрушивались на многих из них с упреками этико-идеологического характера. Багрицкому, например, ригористы вменяли в вину многое: причастность к красноармейскому опыту, апологию продотрядовца Когана, «поэта походного политотдела» Пушкина и проч. Снова было поднято на щит прозвучавшее еще в 1970-е годы обвинение поэта в «культе насилия»³.

Л. Кацис, например, в своей статье «Багрицкий на рубеже веков», ведя «стрельбу на поражение» по американскому исследователю М. Шраеру, находит для себя опору в «методологических» замечаниях, содержащихся в печально известной книге В. В. Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», и разве что открыто не вступает за «обиженного» Ст. Куняева⁴. На пороге 2007 года С. Стратановский в статье «Возвращаясь к Багрицкому»⁵ оперирует теми же аргументами, кото-

¹ Шафаревич И. Русофобия // Наш современник. 1989. № 11. С. 17.

² Куняев С. «Классика и мы»: тридцать лет спустя. Промежуточные уроки памятной дискуссии // Литературная газета. 2008. № 2. 23—29. С. 6.

³ См.: Якобсон А. Конец трагедии. Нью-Йорк, 1973. (Спустя четыре года аналогичное обвинение Багрицкого прозвучало в выступлении Ст. Куняева в ходе дискуссии «Классика и мы».)

⁴ См.: Солнечное сплетение. 2001. № 14—15. С. 321—329.

⁵ Стратановский С. Возвращаясь к Багрицкому // Звезда. 2007. № 2.

рые были подняты на щит ригористами в перестроечные годы. В частности, достается поэту за строки о «черном предательстве Гумилева» из «Стихов о поэте и романтике». Хотя Стратановский и ссылается на статью Б. Сарнова десятилетней давности, но читал он ту статью, видно, так же, как на описанной Ильфом и Петровым смычке Восточной магистрали Александр Иванович Корейко выслушал «Интернационал», — не очень внимательно. Сарнов там приводит строки из обнаруженного чернового авторского списка, где вместо привычных (в печатном варианте) строк:

Депеша из Питера: страшная весть
О черном предательстве Гумилева...
Я мчалась в телеге, проселками шла;
И хоть преступленья его не простила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила... —

был несколько иной текст:

Депеша из Питера: страшная весть
О том, что должны расстрелять Гумилева.
Я мчалась в телеге, проселками шла,
Последним рублем сторожей подкупила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила¹.

Не менее строги оказались перестроечные и постперестроечные критики к романам Ильфа и Петрова. Были у них, правда, предшественники и в годы застоя, как, например, А. Белинков, считавший, что в образе Васисуалия Лоханкина писатели «осмеяли всю интеллигенцию, претендовавшую на собственное мнение»². В том же духе, но еще прямолинейнее высказался в «Континенте» М. Поповский: «...Илья Ильф и Евгений Петров сочиняли заказные пасквили на русскую интеллигенцию...»³. В годы перестройки на Ильфа и Петрова ополчались разные авторы, включая и серьезных литературоведов, в арсенале которых явно не хватало чувства юмора⁴.

¹ Сарнов Б. Перестаньте удивляться. Невыдуманные истории // Октябрь. 1997. № 3. С. 98—129.

² Белинков А. Поэт и толстяк // Байкал. 1968. № 1. С. 106—107. В полном объеме книга Белинкова «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша» была издана в Мадриде в 1976 г.

³ Поповский М. Идеальный русский писатель // Континент. 1980. 24. С. 305.

⁴ См., например: Сараскина Л. Ф. Толстоевский против Ф. Достоевского // Октябрь. 1992. № 3. С. 188—197.

Изрядное количество упреков адресовали писателям-соавторам их новейшие комментаторы М. Одесский и Д. Фельдман. Предложив читателю полный авторский текст «Двенадцати стульев»¹, они в предисловии сосредоточились на «политическом контексте», в котором создавался и воспринимался роман. Их рассуждения поневоле ассоциируются с приснопамятной методологией вульгарного социологизма. На полном серьезе доказывается «антитроцкистская направленность» первого романа дилогии. По мнению авторов предисловия, «главная идеологическая установка „Двенадцати стульев“ — „надежды на скорое падение большевиков“ беспочвенны». Если не пишется в предисловии прямо о «заказном» характере книги, то к этому близки выводы типа: «Ильф и Петров оперативно реагировали на пропагандистские новшества...»

К сожалению, и в городе, с которым изначально связано понятие «южнорусской школы», не была оказана своевременная профессиональная поддержка объективному подходу к интереснейшему литературному феномену. Проведенная в 1964 году в Одесском университете конференция «Литературная Одесса 1920-х годов» была первой, не слишком голосистой ласточкой, весны не сделавшей. Не слишком много пользы выяснению истинного значения обсуждаемой тенденции принес и безудержный патриотизм местных публицистов, записывавших в классики не только В. Инбер, но и З. Шишову с А. Адалис. Первые позитивные шаги были сделаны, пожалуй, лишь в последнее десятилетие. Имеются в виду прежде всего реальный комментарий С. З. Лущика к повести Катаева «Уже написан Вертер»², ряд добротных литературно-краеведческих очерков Р. Александрова и А. Яворской³.

Возвращаясь к статье В. Шкловского, по сути открывшей феномен «Юго-Запада» как литературоведческую и литературно-критическую проблему, хочется акцентировать внимание на замечании критика о том, что традиция «югозападной» школы «еще не выяснена»⁴. К этому можно добавить, что не выяснен в полной мере и целый ряд иных взаимосвязанных вопросов, включая не в последнюю очередь художественное своеобразие творческого наследия писателей «Юго-Запада». Думается, что время геро-стратов-проработчиков вроде «некоего строгого гражданина» из авторского

¹ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1997. См. также: Одесский М., Фельдман Д. Литературная стратегия и политическая интрига // Дружба народов. 2000. № 12. С. 179—195.

² Лущик С. Реальный комментарий к повести // Валентин Катаев. Уже написан Вертер. Одесса, 1999. С. 67—227.

³ См., напр.: Александров Р. Истории «с раньшего времени». Одесса, 2002; Яворская А. Л. Материалы к биографии Семена Гехта // Дом князя Гагарина: Сб. науч. ст. и публ. Одесса, 2004. С. 157—257.

⁴ Шкловский В. Указ. соч. С. 470.

предисловия к «Золотому теленку», ушло (или уходит?) в прошлое, и в современном литературоведении тот факт, что обсуждаемая тенденция оставила заметный след в истории русской литературы, сомнений не вызывает. Настала пора покончить также с комплиментарными заклинаниями и перейти к профессиональному изучению интересного и влиятельного явления в истории литературы.

© Соколянский М. Г., 2008

М. А. Литовская, Ю. В. Матвеева

Екатеринбург, Россия

Мальчики и девочки времен Республики ШКИД: о двух «школьных» повестях 1920-х годов

Революции всегда устремлены в будущее. Какими бы меркантильными соображениями ни руководствовались их организаторы, какими бы далекими от прекраснодушных объяснений факторами ни провоцировалось их появление, в идеях революционной эпохи неизменно присутствует образ новой жизни для будущих поколений, которым выпадет жить в обновленном мире при усовершенствованном обществе. Хотя революционная реальность обычно не совпадает с воображаемым послереволюционным устройством, и в той, и в другом значимым оказывается повышенный интерес к молодым людям переходного времени, воспитанникам революционной эпохи с дореволюционным опытом за плечами.

Каким оно было — последнее досоветское и первое послереволюционное поколение молодежи, чье становление пришлось на время тектонического разлома всей русской жизни? В середине 1920-х по-своему пыталась определить поколение «самой ранней молодежи» 1914—1916 годов З. Гиппиус: «Пусть они «последние», — но они же и будут первыми, ибо с них же, какие они ни будь, придется начинать, тянуть нитку. Больше не с кого». И все же, понимая относительность собственных выводов, З. Гиппиус, хоть и с сомнением, продолжает: «Не с тех же бесплеменных, беспризорных детенышей, что ныне завелись под СССР-ским владычеством? От них — некуда, им и самим некуда. Вот они, подлинные последние!»¹ Предъявлять счет «беспризорным детенышам» Гиппиус великодушно и в то же время презрительно отказывается. Но, словно в ответ брошенному вызову, и в Советской России, и в эмиграции почти одновременно со стать-

¹ Гиппиус З. Н. Мальчики и девочки // Последние новости. Париж. 1926. 17 сент. Цит. по: Гиппиус З. Чего не было и что было. Неизвестная проза (1926–1930 гг.). СПб., 2002. С. 172–182.